

БОРЬБА ЗА ВРЕМЯ

В МИРОВОЕ время работа технического цеха слагалась в кошмарном стиле из знания и опыта, помноженных на творческую индивидуальность. А в военную пору, когда, кроме высокой производительности, надо достичь всемерного выигрыша во времени, без крепких знаний и острой смекали, без пылкого вдохновения невозможно решить ни одну задачу.

На каждом заводе, в каждом цехе люди проявляют чудеса изобретательности, сметливости, изобразительности. Организатором этой многосторонней рационализаторской работы сотен тысяч людей должен быть инженер.

— Фронт не ждет! — сказал начальник 3-го механического цеха Н. В. Галкин, излагая сущность нового задания на коротком совещании своих помощников.

Больше трех недель на подводовку тратят нелзя. В конце января мы обязаны уже дать первую продукцию. А то Дни Красной Армии, как решили сами, надо выполнить полуторную программу.

Технолог Васильев была передана пачка аккуратно склеенных чертежей и дал приказ приступить к работе.

Он медленно пошел по цеху, осматриваясь у некоторых станков. Приступивши к работе, он рассматривал станок, как картину. Потом, кругом повернувшись, вошел в свою рабочую комнату и залез в дверь на ключ. Здесь, за письменным столом, надо было решать все основные задачи.

Здесь, над чертежами, надо было представить себе каждую деталь изделия, ощущать малейший ее изгиб и соединять наименее совершенных вспомогательное приспособление к обрабатываемому ею станку. Надо было учсть характер и потенциальную возможность оборудования, правильно загрузить каждый станок, рационально построить поточность процесса, чтобы не терять нико гига единой секунды.

Большим опытом и знаниями следует обладать, чтобы сухие, плоские линии чертежей превратить в имеющие строгую форму предметы, чтобы видеть их во взаимодействии со станком, в комбинации с многочисленными, многообразными инструментами. Такова суть работы технолога в обычных условиях. Но П. В. Васильев знает, что перед ним стоит еще более серьезная задача — выиграть время.

Если ограничиться только производственным построением технологического процесса, значит нужно пропустить на полную оснастку станков не меньше 6—7 месяцев. Обычные темпы здесь не приемлемы. Надо все делать в 5 раз лучше и главное — быстрее.

Технолог перебирал в памяти все многочисленные приспособления, представляя, что и как надо изменить, проверял, правильно ли решает задачу, и чертил эскизы за эскизом.

К концу вторых суток Васильев проплыл начальнику цеха пачку эскизов и устало улыбнулся:

— Вот тут и все. Будем заканчивать.

Первый этап был окончен. Начи-

нался второй. Нужно было провести на деле, правильно ли построены весь процесс.

Потом начали изготавливать штампы, отливать новые детали. Непрерывным потоком они прибывали в цех. Васильев не уходил. Он подолгу стоял у каждого стакна, общаясь с рабочим, как надо пользоваться новым инструментом; если не ладилось, становился к станку сам. Весь цех гудел, как тело на тяжелую струину. Борьба за время возрастила. В инструментальном цехе не сумели сделать сложный патрон в автомате. Часы уходили. Ремонтный токарь С. И. Романов пошел к инженеру.

— А первая смена не выполнила графика! — сказал начальник цеха, протягивая ему рапортчику.

Технолог выпрямился. Ему стало неложно за минутное успокоение. Нет, ровный гул станков еще не был доказательством того, что все сделано отлично. На этом не кончалась работа технического руководителя.

Цех должен работать, как механизмы. Две трети задания завода падают на его долю.

— Поможем, в чем дело, — сказал он и потратил несколько дней на поиски причин.

На первый взгляд все было в порядке. Но, стоя у станка, он видел, что резец проходит по металлу большее число раз, чем предусмотрено. Оказалось, что из литеевой поступала литье с припуском в 15 миллиметров вместо пяти. Отсюда лишняя траты металла, топлива, электроэнергии.

Литейщики обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую. И снова экономили драгоценные секунды. Рабочий Мальтина предлагает изменить приспособление для съемки деталей. Предложение немедленно принимают, выигрывают новые секунды.

Каждый день, каждый час приносит все новые и новые решения, направленные на улучшение производственных процессов. Технолог предложил сменить станок, чтобы использовать его агрегат.

Он был всегда в эти горячие дни инструктировал мастеров, помогал начальникам, объяснял и показывал токарям, как надо пользоваться режущим инструментом, как производить его заточку, какой установить режущий резин.

И, наконец, настал день — последний день третьей недели, когда была закончена работа, требовавшая семисмесячного непрерывного труда.

Все станки работали ровно, ритмично. Сошли первые обработанные детали. Технолог смотрел на простиравшихся перед ним большой цех, по прищемке вслушивался в «голос» станков. Их ровное гуде-

ние действовало успокаивающее, всеяло уверенность: время было выиграно. Только теперь почувствовал он усталость.

— А первая смена не выполнила графика! — сказал начальник цеха, протягивая ему рапортчику.

Технолог выпрямился. Ему стало неложно за минутное успокоение. Нет, ровный гул станков еще не был доказательством того, что все сделано отлично. На этом не кончалась работа технического руководителя.

Цех должен работать, как механизмы. Две трети задания завода падают на его долю.

— Поможем, в чем дело, — сказал он и потратил несколько дней на поиски причин.

На первый взгляд все было в порядке. Но, стоя у станка, он видел, что резец проходит по металлу большее число раз, чем предусмотрено. Оказалось, что из литеевой поступала литье с припуском в 15 миллиметров вместо пяти. Отсюда лишняя траты металла, топлива, электроэнергии.

Литейщики обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую. И снова экономили драгоценные секунды. Рабочий Мальтина предлагает изменить приспособление для съемки деталей. Предложение немедленно принимают, выигрывают новые секунды.

Каждый день, каждый час приносит все новые и новые решения, направленные на улучшение производственных процессов. Технолог предложил сменить станок, чтобы использовать его агрегат.

Он был всегда в эти горячие дни инструктировал мастеров, помогал начальникам, объяснял и показывал токарям, как надо пользоваться режущим инструментом, как производить его заточку, какой установить режущий резин.

И, наконец, настал день — последний день третьей недели, когда была закончена работа, требовавшая семисмесячного непрерывного труда.

Все станки работали ровно, ритмично. Сошли первые обработанные детали. Технолог смотрел на простиравшихся перед ним большой цех, по прищемке вслушивался в «голос» станков. Их ровное гуде-

ние ильицких обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую.

И снова экономили драгоценные секунды.

Рабочие Мальтина предлагают изменить приспособление для съемки деталей.

Предложение немедленно принимают, выигрывают новые секунды.

Каждый день, каждый час приносит все новые и новые решения, направленные на улучшение производственных процессов. Технолог предложил сменить станок, чтобы использовать его агрегат.

Он был всегда в эти горячие дни инструктировал мастеров, помогал начальникам, объяснял и показывал токарям, как надо пользоваться режущим инструментом, как производить его заточку, какой установить режущий резин.

И, наконец, настал день — последний день третьей недели, когда была закончена работа, требовавшая семисмесячного непрерывного труда.

Все станки работали ровно, ритмично. Сошли первые обработанные детали. Технолог смотрел на простиравшихся перед ним большой цех, по прищемке вслушивался в «голос» станков. Их ровное гуде-

ние ильицких обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую.

И снова экономили драгоценные секунды.

Рабочие Мальтина предлагают изменить приспособление для съемки деталей.

Предложение немедленно принимают, выигрывают новые секунды.

Каждый день, каждый час приносит все новые и новые решения, направленные на улучшение производственных процессов. Технолог предложил сменить станок, чтобы использовать его агрегат.

Он был всегда в эти горячие дни инструктировал мастеров, помогал начальникам, объяснял и показывал токарям, как надо пользоваться режущим инструментом, как производить его заточку, какой установить режущий резин.

И, наконец, настал день — последний день третьей недели, когда была закончена работа, требовавшая семисмесячного непрерывного труда.

Все станки работали ровно, ритмично. Сошли первые обработанные детали. Технолог смотрел на простиравшихся перед ним большой цех, по прищемке вслушивался в «голос» станков. Их ровное гуде-

ние ильицких обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую.

И снова экономили драгоценные секунды.

Рабочие Мальтина предлагают изменить приспособление для съемки деталей.

Предложение немедленно принимают, выигрывают новые секунды.

Каждый день, каждый час приносит все новые и новые решения, направленные на улучшение производственных процессов. Технолог предложил сменить станок, чтобы использовать его агрегат.

Он был всегда в эти горячие дни инструктировал мастеров, помогал начальникам, объяснял и показывал токарям, как надо пользоваться режущим инструментом, как производить его заточку, какой установить режущий резин.

И, наконец, настал день — последний день третьей недели, когда была закончена работа, требовавшая семисмесячного непрерывного труда.

Все станки работали ровно, ритмично. Сошли первые обработанные детали. Технолог смотрел на простиравшихся перед ним большой цех, по прищемке вслушивался в «голос» станков. Их ровное гуде-

ние ильицких обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую.

И снова экономили драгоценные секунды.

Рабочие Мальтина предлагают изменить приспособление для съемки деталей.

Предложение немедленно принимают, выигрывают новые секунды.

Каждый день, каждый час приносит все новые и новые решения, направленные на улучшение производственных процессов. Технолог предложил сменить станок, чтобы использовать его агрегат.

Он был всегда в эти горячие дни инструктировал мастеров, помогал начальникам, объяснял и показывал токарям, как надо пользоваться режущим инструментом, как производить его заточку, какой установить режущий резин.

И, наконец, настал день — последний день третьей недели, когда была закончена работа, требовавшая семисмесячного непрерывного труда.

Все станки работали ровно, ритмично. Сошли первые обработанные детали. Технолог смотрел на простиравшихся перед ним большой цех, по прищемке вслушивался в «голос» станков. Их ровное гуде-

ние ильицких обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую.

И снова экономили драгоценные секунды.

Рабочие Мальтина предлагают изменить приспособление для съемки деталей.

Предложение немедленно принимают, выигрывают новые секунды.

Каждый день, каждый час приносит все новые и новые решения, направленные на улучшение производственных процессов. Технолог предложил сменить станок, чтобы использовать его агрегат.

Он был всегда в эти горячие дни инструктировал мастеров, помогал начальникам, объяснял и показывал токарям, как надо пользоваться режущим инструментом, как производить его заточку, какой установить режущий резин.

И, наконец, настал день — последний день третьей недели, когда была закончена работа, требовавшая семисмесячного непрерывного труда.

Все станки работали ровно, ритмично. Сошли первые обработанные детали. Технолог смотрел на простиравшихся перед ним большой цех, по прищемке вслушивался в «голос» станков. Их ровное гуде-

ние ильицких обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую.

И снова экономили драгоценные секунды.

Рабочие Мальтина предлагают изменить приспособление для съемки деталей.

Предложение немедленно принимают, выигрывают новые секунды.

Каждый день, каждый час приносит все новые и новые решения, направленные на улучшение производственных процессов. Технолог предложил сменить станок, чтобы использовать его агрегат.

Он был всегда в эти горячие дни инструктировал мастеров, помогал начальникам, объяснял и показывал токарям, как надо пользоваться режущим инструментом, как производить его заточку, какой установить режущий резин.

И, наконец, настал день — последний день третьей недели, когда была закончена работа, требовавшая семисмесячного непрерывного труда.

Все станки работали ровно, ритмично. Сошли первые обработанные детали. Технолог смотрел на простиравшихся перед ним большой цех, по прищемке вслушивался в «голос» станков. Их ровное гуде-

ние ильицких обещали давать литье без припусков и сразу же намного сократили их.

Зажим изделия перед обработкой делали ручным способом. Технолог приводит эту операцию на пневматическую.

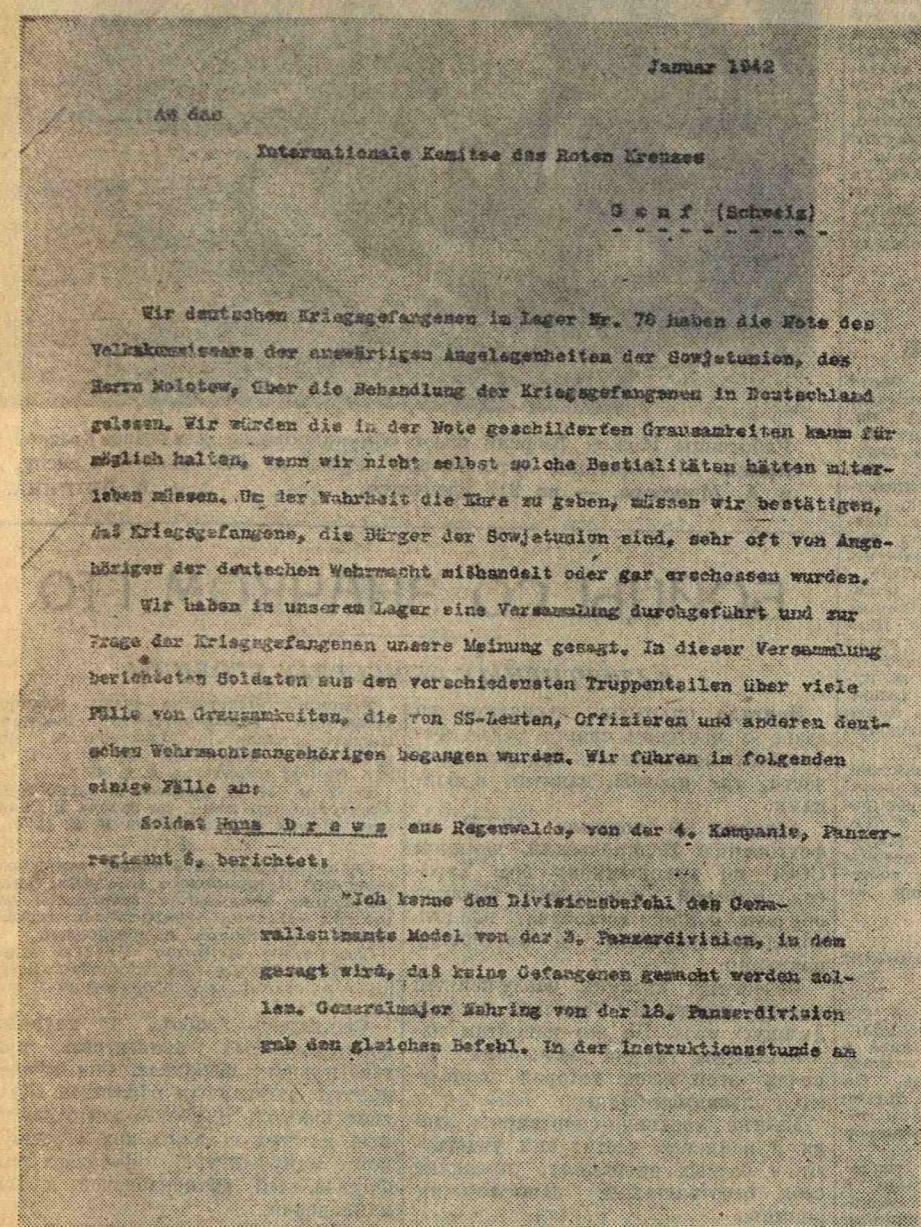
И снова экономили драгоценные секунды.

ПРОТЕСТ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПРОТИВ ЗВЕРСКОГО ОБРАЩЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ

Январь 1942 г.

Международному Комитету Красного Креста

ЖЕНЕВА (Швейцария)

Мы, немецкие военнопленные лагеря № 78, прошли ногу Народного Комиссара по Иностранным делам Советского правительства господина Молотова об обращении с военнопленными в Германии. Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если сами бы не были свидетелями подобных зверств. Чтобы правда восторжествовала, мы должны подтвердить, что военнопленные граждане Советского Союза, очень часто подвергались ужасным издевательствам со стороны представителей немецкой армии или даже рассматривались ими.

Мы провели в нашем лагере собрание и высказали свое мнение по вопросу о военнопленных. На этом собрании товариши из различных частей рассказали о многих случаях жестокостей, совершенных СС- офицерами, офицерами и другими представителями немецкой армии. Ниже мы приводим несколько случаев:

Ганс Древс из Регенсбурга, солдат 4 роты 6 танкового полка, сообщил: «Я знаком с приказом по 3 танковой дивизии, изданным генерал-лейтенантом Моделем, в котором сказано, что пленных не братать. Такой же приказ дал командующий 18 танковой дивизии генерал-майор Нордт. На инструктивном занятии 20 июня, за два дня до выступления против Советского Союза, нам заявили, что в предстоящем походе раненым красноармейцам перезвол не следует, но немецкой армии некогда возиться с ранеными».

Гарри Марен из Эльса, возле Бреславля, солдат штабной роты 18 танковой дивизии, сообщил: «21 июня, за день до начала войны против России, мы от наших офицеров получили следующий приказ: «Комиссары Красной Армии необходимо расстреливать на месте, ибо с ними нечего пересечься. С ранеными русскими пленными нечего долго возиться, их надо просто приканчивать на месте». Нам приказали при малейшем подозрении пристреливать и всякого мирного гражданина».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Янек Корниллас из Хорфорта, близ Трира, лейтенант 112-го саперного батальона 112-й пехотной дивизии, сообщил:

«В одной деревне у Болты по приказу адъютанта штаба 112 саперного батальона Кирки были выброшены из избы 15 находившихся там раненых красноармейцев. Их раздели догола и заковали в наручники. Это было сделано сведомом командира дивизии генерал-лейтенанта Мита».

Алоиз Гетц из Гагенбаха на Рейне, солдат 8 роты 427 пехотного полка, сообщил: «27 июня в лесу у Августова были расстреляны 2 комиссара Красной Армии по приказу командира батальона капитана Виттманна».

Гейнц Гартфельдер, солдат 2 роты 3-го мотопехотного стрелкового батальона 3 танковой дивизии, сообщил: «28 июня 1941 г. мы были на автостраде Брест-Литовск — Москва. Я видел, как в 22 ч. 30 м. один старший фельдфебель в один унтер-офицер нашего обоза шел с двумя гражданскими пленными среднего возраста. Одного из них тут же у боини дороги застрелил из автомата старший фельдфебель, а другого унтер-офицер автомата столпил в канаву и затем выстрелил в него 6 раз. После этого они уволокли убитых в кусты и пошли дальше. Несколько позже, когда я проходил мимо, я еще слышал хрюки смертельно раненных».

Более нескольких фактов из многих. К сожалению, дело не в единичных случаях — зверства творились по приказу самых. Это подтверждается следующими высказываниями представителей немецкой армии:

Вольфганг Шарте из Гебгардсагена, у Брауншвайга, солдат 2 роты 111 отряда истребителей танков, сообщил: «За день до нашего выступления против Советского Союза офицеры нам заявили следующее: «Если вы в пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан».

29 июня 1941 г. я сам видел, как представители немецкой армии расстреляли раненых красноармейцев, лежавших в хлебом поле близ города Дубно. После этого их еще проводили пыткам, чтобы наверняка убить. Рядом стояли немецкие офицеры и смеялись».

Иосиф Бернгард из Обергаузена, солдат 6 танковой дивизии, сообщил: «Еще в России нам на одном из

инструктивных занятий сказали: «Комиссаров необходимо расстреливать». 6 июля была отправлена группа разведчиков в 14 человек, они привели с собой обратно, в качестве пленных, 6 человек из гражданского населения. Пять из них по приказу были slabины лопатами, чтобы выколотить себе мозги. Незадолго перед нашим выступлением они были расстреляны. Приказ о расстреле дал старший лейтенант 5 стрелковой роты 4 полка Маттен».

Гельмут Ладиг из Бюхольта, солдат 16 бронетанкового разведывательного батальона, рассказывает: «7 июля мы за 2—3 деревни до Дубно натолкнулись на группу красноармейцев. Двеуми легкими танками разведчиков они были задержаны. Их было 15 человек, среди них комиссар. Комиссар был отведен в сторону и без всякой допроса немедленно расстрелян».

Пауль Зендер из Кенигсберга, солдат 4 взвода 13 роты пехотных орудий 2-го пехотного полка, сообщает: «14 июля по дороге между Порховом и Старой Русской в уничтоженной канаве старшим ефрейтором 1 роты 2-го пехотного полка Шнейдером были расстреляны 12 пленных красноармейцев. На мой вопрос Шнейдер заявил: «К чему мне еще виться с ними, они даже пули не стрелят».

Я знаю также другой случай. В боях под Порховом был взят в плен один красноармеец. Вскоре после этого он был застрелен ефрейтором 1-й роты. Кал только красноармеец упал, ефрейтор вышел из его хлебной сумки все, что там было сестиного».

Ганс Зелов из Франкфурта на Майне, старший стрелок 459 пехотного полка 251 дивизии, сообщил: «В середине июля мы были в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двумя немецкими солдатами из автомата в спину были расстреляны 5 русских пленных».

Иоганн Ферстль из Байербаха, близ Вены, солдат 2 роты 462 пехотного полка, сообщил: «Я видел, как представители немецкой армии были расстреляны в 100 км. от Великих Лук. В одном дворе стояли немецкие танки. Там я видел 9 пленных красноармейцев. Их поставили к яму, которую они сами до этого вырыли, и расстреляли. После этого каждого из местных жителей заставляли засыпать яму».

Вильгельм Метциг из Гамбурга-Амттона, солдат 399 пехотного полка 170 дивизии, сообщил: «Когда мы 23 июня вошли в Россию, мы попали в одно москвиче Ульяновска. Там я своими глазами видел, как двум

ЮНЫЙ ГЕРОЙ

Пионер Ваня Андрианов из села Ново-Михайловское, Боровского района, Московской области, удостоен высокой награды страны — ему вручен орден Красной Звезды. О подвиге четырнадцатилетнего патриота рассказывает в своей корреспонденции старший политрук М. Семенов.

ВАНИА Андрианов — художественный паренек с редкими веснушками на лице и ясными голубыми глазами. Он — ученик седьмого класса. Примостившись на печке, Ваня читал книгу, которую прислал в газету.

В избе — немецкие солдаты. Одни горланили, другие хохотали. Их лица и ярлы — желтые пачурки накалены докрасна, а они все подкладывают и подкладывают дрова.

Одни долбоязычные пытаются танцевать, но он пытается, сделав какое-то неуклюжее па, снова валится на стул. Временами он кашляет и лежит на полу. Ваня любил ярко-желтые половицы, на которых материю до блеска. Сейчас они побурели от грязи, окунуты в пыль, пленков. Настоящие хижины.

Немцы. Вчера утром они уехали куда-то на машине, а к вечеру вернулись со всяkim добром: курами, гусями, поросенками.

Ваня Андрианов.

Фото Н. Папина.

Фото Н. Папина.